

Атомная энергетика Гергиева

Продолжение Пасхального фестиваля

Андрей Хрипин

Из Московского дома музыки Пасхальный фестиваль переместился в свою основную резиденцию – Большой зал консерватории. Прошедший, как и подобает образцово-показательному событию, ровно и с холодноватым глянец концерт открытия заставлял надеяться, что последующие прорывы в глубины музыки если и не будут идти по нарастающей, то хотя бы высекут больше огня. Так и вышло: глубины прибавилось за счет симфоний Прокофьева, а божью искру добавили представляемые Гергиевым музыканты нового поколения. Воодушевление на сцене и в зале постепенно накапливалось и к третьему концерту достигло первой зашкаливающей границы – бурный, отчасти даже преувеличенный всплеск восторга у публики, избравшей себе первого пасхального кумира, вызвал молодой китайский пианист Ланг Ланг.

Вундеркинд, начавший занятия на фортепиано в трехлетнем возрасте, а в пять уже выигравший свой первый конкурс, сегодня Ланг Ланг пополнил первые ряды нового призыва звезд, которых гиганты звукозаписи типа Deutsche Grammophon и масмедиа намерены раскрутить до уровня знаменитых предшественников. Второй концерт Рахманинова явил нам типичного представителя азиатской волны в современном пианизме – прогресс технических параметров доведен до невероятной для живого человека компьютерной точности. Крепкая атлетическая хватка солиста, его спортивно-силовые качества порой мешали пробиться одухотворенности, однако все это во многом компенсировалось человеческим обаянием и непосредственностью – часто для публики именно это становится главным. Гастролиру пришлось все время быть начеку и чутко следить за оркестром, потому как маэстро Гергиев никого никогда не ждет, прокладывая путь музыки только

вперед, – кто не приспособится, разойдется в прямом и переносном смысле. Сыгранный по требованию разгоряченного зала бис (Ноктюрн Чайковского) в корне изменил представление о Ланге – в скромно оформленной певучей мелодии пианист досказал все то, что ему не удалось в эпической форме, показал себя тонким лириком, которому не чужды нюансы и изощренная звукопись.

Вторым по значимости открытием стал греческий скрипач Леонидас Кавакос из этого же нового призыва, столь же технически безупречный и чи-

всем известно, что Гергиев представляет собой тип дирижера-диктатора. Это – это данность, тип артистической личности, лейбл, если хотите. Ему присуще мужское качество видения целого – он видит форму как бы с высоты птичьего полета и уверенно идет к финальной точке, не закликая особо на деталях. Так, например, казалось, что Вторая симфония (1924), признанная в наследии Прокофьева самой лучшей, глубокой и сложной, идет, словно текст без знаков препинания, – настолько был сильным импульс направленного движения

В исполнении Гергиева знакомая с пеленок музыка Глинки становится неузнаваемо новой

стый по интонации, но более жесткий и менее обаятельный. Насчет глубины... То ли такое быстрое и бурное время сейчас, что некогда углубляться, то ли русская душа просит эталон «достоинства» и не получает ее от исполнителей европейской выделки, принимая перфекционизм за глянец... Непонятно. Это – гамлетовский вопрос диспропорции между желаемым и действительным, он не имеет прямого отношения к конкретно взятым солистам. На следующий день вслед печально-драматичному Сибелиусу Кавакос избрал острую неоклассику Стравинского и пряную равелевскую «Цыганку» с ее феерически виртуозным кунштюком в коде. Видавшие виды стены Большого зала словно бы помогли солисту – он и играл раскрепощеннее, и звучал убедительнее по акустическим параметрам (неидеальная акустика Дома музыки уже притча на языках).

вперед, что точки, запятые и тире оказались не нужны. Цикл прокофьевских симфоний, чрезвычайно редко исполняющихся вообще и в частности (тут надо по-настоящему трудиться и преодолевать и исполнителям, и слушателям), продолжился наиболее театральной Третьей (1928), основанной на материале оперы «Огненный ангел», и Шестой (1945–1947), в которых мариинский оркестр во главе со своим кормчим показал себя с самой наилучшей стороны.

Атомная энергетика Гергиева не может не потрясать. И когда он возвышается вполоборота к залу, выжидая в напряженной наполеоновской позе, пока застоявшиеся в пробках третьеразрядные VIPы отвоюют свои занятые места в партере. И когда в бисовой увертюре к «Руслану и Людмиле» он яростно вжаривает столь бешеное престоисимо, что знакомая с пеленок музыка Глинки становится неузнаваемо новой. ■